

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

3 июля 1986 года

О причинах Чернобыльской катастрофы

Щербина. Исходная причина – неудовлетворительная программа экспериментов и затем ошибки эксплуатационного персонала. Обстановка безопасности. Случаи отказов и сбоев были и ранее, но не получали должной оценки. Программа экспериментов была разработана Ростовским институтом Гидропроект и не согласована с соответствующими органами Союзатомэнерго и Минсредмаша. Были две попытки проведения экспериментов и раньше, но не доведены до конца. Директор и заместитель главного инженера по науке в подготовке программ не участвовали. Выбрали неудачное время для проведения опыта – ночь с пятницы на субботу. Смена персонала была в 24.00. Эксперимент начали 26 апреля примерно в 1.00. Решили совместить испытания теплоэлектрической части энергоблока с проверкой реактора на вибрацию. Поэтому реактор перед испытаниями не был остановлен. Автоматическая система защиты была заблокирована (кто это сделал – неизвестно).

Время взрыва – 1 час 23 мин. 42 сек. До этого уже была ситуация, когда требовалось остановить реактор, но этого не сделали. Налицо серия непростительных нарушений.

Ошибки эксплуатационников – да. Но они наложились на серьезные недостатки конструкции. Расчетный коэффициент возможного развития мощности – коэффициент реактивности – на практике оказался значительно выше, чем заложено в проекте. Это прямая ошибка в расчетах. Заключение по конструкции: реакторы являются потенциально опасными. Авторы: Институт имени Курчатова (Доллежаль, Емельянов). Межведомственный Совет при АН свои функции не выполнил. Госатомнадзор – работал пассивно. Положение о правах и ответственности этого Комитета составлено неудачно. Минэнерго – обстановкой на АЭС не владеет. Все внимание министерства на

экономические показатели работы АЭС, а не на обеспечение безопасных условий. Связь Минсредмаша и Минэнерго недостаточная.

Горбачев. Кто утвердил размещение АЭС в густонаселенных районах? Помните дискуссию на этот счет в «Коммунисте» (*№ 14 за 1979 год*) – но тогда рот заткнули академику Доллежалю. Не позволим, чтобы нас, Политбюро, проклинали. Главное сейчас – безопасность АЭС.

Помню и другое: статью в «Правде» к 30-летию первой АЭС. Там: «атомная энергетика может служить эталоном безопасности». А что на поверку? Грязнул Чернобыль, и никто не готов: ни гражданская оборона, ни медслужбы, дозиметрами не обеспечены и по минимуму, пожарная служба не знает, что ей делать.

Свадьбы справляли на другой день поблизости. Дети на улицах играют. Система оповещения никуда не годная! Нет и автоматического отключения.

Облако пошло после взрыва. Его по пути кто-то засек? Меры принял? Нет.

Директор станции Брюханов уверен, что ничего не могло произойти. Он и его зам не знали, что будут проводиться испытания на блоке. А между тем за последние годы было много аварий на Чернобыльской АЭС. Это вас не насторожило?!

Главный инженер у вас – электрик. Его главная забота – выдать больше энергии.

Вот Мешков (*заместитель министра среднего машиностроения Славского*) и сейчас нас уверяет, что реактор надежный. А почему же вы сами подписали недавно проект с предложением прекратить строить такие реакторы?

Славский. Я не подписывал.

Горбачев. Так, можно их эксплуатировать и строить?

Мешков. Можно, если строго выполнять регламент.

Горбачев. Вы меня удивляете. Все, что на этот час собрано по Чернобылю, приводит к единственному выводу – реактор надо запретить. Он опасен. А вы защищаете честь мундира.

Мешков. Нет, я защищаю атомную энергетику.

Горбачев. А какие интересы выше? Мы должны ответить на этот вопрос. Этого требуют от нас миллионы людей у нас и за рубежом. Покончить с положением, когда строят АЭС на уровне мышления 20-30-х годов. Надо думать на уровне Чернобыля. В США после крупной аварии ни одного блока больше не построили!

Мы 30 лет слышим от вас – ученых, специалистов, министров, – что все тут надежно. И вы рассчитываете, что мы будем смотреть на вас как на богов. От этого все и пошло. Потому что министерства и все научные центры оказались вне контроля. А кончилось провалом. И сейчас я не вижу, чтобы вы задумывались над выводами. Больше все констатируете факты, а то и стремитесь замазать кое-какие.

В том, что произошла авария, виноват персонал, но масштабы аварии – в физике реактора.

Там, где нужна централизация, там ее нет, а там, где просто гвоздь забить надо, там действуют тысячи разных ведомств. Нет более опасного объекта, чем АЭС, ибо там миллионная мощь энергии, она опаснее любого военного объекта. Академик Доллежаль был в свое время тревогу, но его признали некомпетентным и на пресс-конференции просто осрамили.

Вот к чему приводит монополия и в науке, и в производстве. Энергетическая проблема во всех аспектах – научном, экспериментальном – оказалась вне контроля.

(Зачитывает экспертизу). Реактор ненадежен. А вы этим не занялись. Это вас не насторожило. Почему теоретические исследования не финансировались? А вы где были? Это ведь сказал сам академик Александров. Но и он кое-что упустил. Сейчас серьезно переживает, хотя на нем – большая вина.

А Мешков все валит на эксплуатационников. Как же Вы выглядите перед лицом такой беды! Если с Вами согласиться, то что? Продолжать как было? Все, оказывается, не правы, один Мешков прав. Тогда лучше освободиться от Мешкова.

Вопрос размещения АЭС. Вы упорствовали при его решении. Какие же выводы у вас из Чернобыля? С чем вы пришли на Политбюро?

Почему же такая неквалифицированная информация? Значит, не знают, не умеют определять, какие последствия могут быть от такого пожара. Что же там – такие дураки?

Легасов. Реактор не соответствует требованиям безопасности по важнейшим параметрам. В 1985 году в Финляндии физики «по гамбургскому счету» простили высокие оценки нашей АЭС. Но из нее перед тем вынули автоматику и технологию и заменили шведско-американскими.

Бобков. Диверсия исключается. Но беспечность, неграмотность, неготовность поражают. Люди не знали, с чем они столкнулись. Нельзя отдавать судьбу атомной энергетики в руки одного человека. Опасность АЭС еще и в том, что и там главное – «выполнить» план любой ценой, в ущерб безопасности, за ее счет... как на обычном заводе у нас. И гонка в строительстве АЭС, и с захоронением отходов не решено – на некоторых АЭС «сверхнормативные» запасы. Хоронят по уплотненному варианту. В районе Челябинска заражено озеро. Случись ураган или смерч – беда на всю округу.

Долгих. Наши выводы – ответственность перед поколениями. Действовали не в духе XXVII съезда, натолкнувшись на сверхзакрытость Минсредмаша.

Если причина аварии – преступная халатность, то катастрофа, которая последовала, – результат физики. Коренная реконструкция реактора делает его неэкономичным.

Многие годы не сознавали, что может произойти. И упорно шли к этой аварии. А она была неизбежна в результате такого поведения. Была создана

легенда о полной безопасности АЭС... Целая философия на эту тему возникла. Доллежаль бил тревогу, но его признали некомпетентным.

Расположены АЭС рядом с городами! Ссылаются на западные страны. Атомные ТЭЦ – это, между прочим, и доставка радиации на дом.

...Каждое атомное хранилище – 30 млн. рублей.

...Грозит нам огромная потеря энергии. Ведь 10 реакторов типа Чернобыля – в СЭВе, 10 – у нас. Они все устарели и опасны. Энергетические пропорции надо пересматривать.

Рыжков. Как могло случиться такое у нас? Каковы причины крупнейшей в мире аварии? К ней мы шли давно. И накапливали опасность. Случайность? Но уж больно много совпадений. Нет, это закономерность, которая образовалась в нашем энергетическом хозяйстве. И разболтанность. Если бы не произошла она здесь и сейчас, произошла бы в другом месте. На заре АЭС все было поставлено строго и добротно. Постепенно атомная энергетика вышла за границы Славского, т. е. Минсредмаша, но «не вышла» вместе с ней дисциплина. И к тому же слишком возвеличили авторитет Славского и Александрова. Снизили требовательность на всех уровнях, притупилась бдительность. Ведь нет ни одного года без ЧП на АЭС. Авария на Ленинградской – выводов не сделали. Минсредмаш, наука, Минэнерго не на той высоте, какой требует атомная энергетика. И ведомственная разобщенность.

Выводы должны быть сугубо объективные. От этого многое зависит.

Решается судьба страны, а тут мы видим на Политбюро стенка на стенку: Минсредмаш, Минэнерго, Академия наук... А что же там, внизу?!

Были недостатки... и все затушевывалось, уходило куда-то, чтоб предотвратить огласку. У начальства притупилась ответственность. Без серьезных оргтехнических мер мы не гарантированы от повторений.

Что надо в решениях?

– Определить тип реактора. Отменить чернобыльский.

– Создать Минатомэнергетику. Отдать туда часть Минсредмаша.

- Создать устав – того типа, как в Аэрофлоте, в Минфлоте.
- Госнадзору дать абсолютные права везде. А то их не пускают никуда, даже в авиацию и во флот.
- Создать Межведомственный совет, но не при Славском, а при Академии наук или ГКНТ, лучше при Совмине.
- Привлечь парторганы Украины к разбору последствий.

Лигачев. Отставание в науке и технике вообще, в атомных делах – в том числе, в автоматизации, в материаловедении – одна из причин. И урок – вот к чему приводит монополия в науке и производстве! Полностью надо изменить структуру атомной энергетики. Сейчас в самой структуре заложена безответственность. Искать альтернативные источники. Упор на газ!

...Что мы слышим здесь на Политбюро? Ведомственные подходы и споры. Спорить – это хорошо, но и самокритичность нужна... А когда они, спорящие здесь, покинут это заседание, сразу же, наверно, будут согласны друг с другом, отнюдь не на принципиальной основе.

Гражданская оборона. Надо с этим разобраться. Денег туда вваливаем... а толку? Офицеров там полно, а надзор липовый. Властью, им данной, не умеют пользоваться. Это – консультативная фирма, а не контрольная.

Очень дорого будет стоить ликвидация последствий.

Горбачев. Сколько у нас разных вотчин создалось в стране! В результате мы не получали информации о том, что происходит. С такими порядками в стране мы будем кончать. От ЦК все было засекречено. Партийный работник в эту сферу и не смел лезть. Даже вопросы размещения АЭС решало не правительство. И в вопросе о том, какой реактор запустить, диктатура тоже принадлежала не правительству. Во всей системе царил дух угодничества, подхалимажа, групповщины, гонения на инакомыслящих, показуха, личные связи и разные кланы вокруг разных руководителей. Этому всему мы кладем конец.

Соколов. Чернобыль – это как оружие массового поражения... Госатомнадзора должны бояться! А у нас? Проверка показала неблагополучие с радиацией на подводных лодках. Плохо с хранением ядерных боеприпасов.

Щербицкий. Что делать с детьми? Их в одном Киеве 600 тысяч. Сейчас вывезли... Но осенью возвращать придется. Что с водой? Недели проходят, а дело стоит. Киевскую АЭС надо прекратить строить...

Горбачев. Мы понесли огромные потери, не только экономические, не только человеческие. Огромен политический ущерб: поставлено под сомнение – на том ли уровне у нас энергетическая программа. Подбрасывают мысль о дискредитации СССР, советской науки, техники, мол, атомная энергетика у нас уродливая.

Ситуация очень серьезная. Ни в коем случае не согласимся ни на какое шапкозакидательство: мол, ничего особенного, бывает.

Происшедшее – событие чрезвычайного порядка, близкое к применению оружия массового уничтожения. Учитывая, что АЭС у нас действуют, они включены в энергетическую программу, – несем большую ответственность и за оценки, и за выводы, и за дальнейшие действия.

И ни в коем случае мы не согласимся ни при решении практических вопросов, ни при объяснении с общественностью скрывать истину. Мы несем ответственность за оценку произошедшего, за правильность выводов. Наша работа теперь на виду у всего народа и у всего мира. И думать, что мы можем ограничиться полумерами и ловчить, недопустимо. Нужна полная информация о произошедшем. Трусливая позиция – это недостойная политика.

Огорчает, вызывает недоумение, что товарищи здесь, на Политбюро, устроили свару. Это надо осудить.

Авария могла быть предотвращена. Если бы была правильная и своевременная информация, Центральный Комитет мог бы принять меры, и аварии не было бы. Но мы столкнулись с проявлением крайней безответственности.

Предложения о наказаниях надо принять.

Брюханов допустил грубые ошибки, преступную халатность...
Исключить из партии.

Неудовлетворительно работает Минэнерго... Шашарину объявить строгий выговор.

Заместителю директора Института энергетического машиностроения Емельянову – выговор и освободить от работы.

Майорцу, министру, выговор. А вообще-то снять бы с работы.

Атомнадзор проявил себя плохо. Председателя снять.

Обратить внимание Славского на то, что он игнорировал предупреждение ученых.

Мешкова (*зам Славского*), который пришел на Политбюро с совершенно безответственными вещами, – я бы не стал держать на этой должности.

Академику Александрову – обратить внимание на его вину во всем этом деле.

Конкретные дела на других уровнях передать в КПК. И пусть свое слово скажет прокуратура.

Перед смертью погибших, перед народом мы держим ответ!

Постановление доработать. И в смысле оценок, и в разработке баланса: АЭС – газ – нефть, гидро, уголь...

Правительству вернуться к энергетической программе до 2000 года.

Подумать: не хуже ли будет, если продолжать эксплуатацию АЭС, чем если мы их закроем.

Пусть Правительство определится с Крымской, Минской, Армянской АЭС. И внесет предложения в ЦК.

Создать контрольный орган с полувоенным режимом.

Владимир Васильевич (*Щербицкий*) правильно говорит: куда девать детей? Пусть Буренков (*министр здравоохранения СССР*) даст ответ.

В проекте постановления отсутствует международный аспект. Добавить – и откровенно проинформировать соцстраны, МАГАТЭ, всю мировую

общественность. Все народы должны знать о последствиях и о наших мерах. Ловчить тут нельзя. Секреты тут – во вред самим.

Открытость – это и огромный выигрыш для нас. Проиграем, если не скажем все с должной полнотой. Дать миру максимум информации. Тем более что на Западе фактическое положение знают.

Мое выступление по телевидению через три дня – по итогам этого заседания.

Отметить героев, наградить как следует всех проявивших себя.